

Государственный переворот. Ги де Мопассан

(1850 – 1893)

Париж узнал о падении Седана. Была провозглашена республика. Вся Франция ринулась на путь того безумия, которое продолжалось до последнего дня Коммуны. С одного конца страны до другого все играли в солдаты.

Лавочники преобразились в полковников, исполняющих обязанности генералов, целая коллекция револьверов и кинжалов украшала толстые животы этих мирных обывателей, перетянутые красными поясами. Мелкие буржуа, случайно превратившиеся в воинов, командовали батальонами крикливых волонтеров и неистово ругались, чтобы придать себе больше весу.

Уже один тот факт, что они были вооружены, что у каждого из них было в руках военное ружье, кружил головы этим людям, которые до сих пор имели дело только с весами, и они без всякого повода могли стать опасными для каждого встречного. Они казнили невиновных в доказательство того, что умеют убивать, и, бродя по полям, не тронутым еще пруссаками, стреляли в бродячих собак, коров, спокойно пережевывавших жвачку, в больных лошадей, пасшихся на лугах.

Каждый воображал, что именно он призван играть великую боевую роль. Кофейни самых маленьких деревушек были переполнены одетыми в мундиры торговцами и походили на казармы или на военный госпиталь.

До местечка Канвиль еще не дошли потрясающие известия из армии и столицы, но уже целый месяц в нем царило сильнейшее возбуждение и враждующие партии ополчались друг против друга.

Мэр Канвиля, г-н виконт де Варнето, маленький тощий старичок, легитимист[2], из честолюбия ставший с недавнего времени приверженцем Империи, встретил яростного противника в лице доктора Массареля, толстого сангвиника, который был главой республиканской партии округа, председателем местной масонской ложи, президентом общества земледелия и пожарной команды, а также организатором сельской милиции, предназначенной спасти край.

За две недели ему удалось привлечь на защиту страны шестьдесят трех волонтеров из женатых людей и отцов семейств, мирных крестьян и торговцев местечка, и он обучал их каждое утро на площади перед мэрией.

Если мэр, направляясь в ратушу, случалось, проходил мимо, командир Массарель, вооруженный пистолетами, горделиво шагал с саблей в руке перед фронтом своего отряда и заставлял людей выкрикивать: «Да здравствует отечество!» И этот крик, как все замечали, приводил в волнение старого виконта, который, без сомнения, видел в нем угрозу, вызов и в то же время ненавистное напоминание о великой революции[3].

Утром 5 сентября доктор, облачившись в мундир и положив на стол револьвер, принимал чету больных престарелых крестьян; муж целых семь лет страдал расширением вен, но не обращался к доктору, ожидая, когда жене тоже понадобится врачебный совет. В это время почтальон принес газету.

Г-н Массарель развернул ее, поблдевел, быстро вскочил и в исступленном восторге, воздев руки к небу, во весь голос крикнул в лицо остолебеневшим крестьянам:

– Да здравствует республика!.. Да здравствует республика!.. Да здравствует республика!..

И упал в кресло, обессилив от волнения.

Старик-крестьянин продолжал тянуть:

– Началось это с того, что по ногам у меня вроде как мурашки стали ползать.

– Оставьте меня в покое! – крикнул Массарель. – Есть мне время заниматься всякой чепухой... Провозглашена республика, император взят в плен. Франция спасена!.. Да здравствует республика!..

И, подбежав к двери, заорал:

– Селеста! Скорее, Селеста!

Прибежала перепуганная служанка. Он говорил так быстро, что язык у него заплетался:

– Мои сапоги, саблю, патронташ, испанский кинжал, что у меня на ночном столике, – живо!..

Упрямый крестьянин, воспользовавшись минутой молчания, продолжал:

– И вот набухло у меня в ногах, точно карманы какие, так что и ходить стало больно.

Выведенный из себя, доктор взревел:

– Оставьте меня в покое, черт возьми!.. Если бы вы мыли ноги, ничего бы не случилось.

И, схватив старика за шиворот, он гаркнул ему в лицо:

– Ты что же, не понимаешь, скотина, что у нас теперь республика?

Но тут профессиональное чувство врача заставило его успокоиться, и он выпроводил ошеломленную чету, повторяя:

– Приходите завтра, приходите завтра, друзья мои. Мне сегодня некогда.

Вооружаясь с головы до ног, он отдавал кухарке целый ряд новых спешных приказаний:

– Беги к лейтенанту Пикару и к сублейтенанту Поммелю и скажи им, что я немедленно жду их к себе. Пришли ко мне также Торшбефа с барабаном, живо, живо!

Когда Селеста вышла, он погрузился в думы, готовясь к борьбе с предстоящими трудностями.

Все трое явились вместе, в рабочей одежде. Командир, рассчитывавший увидеть их в полной форме, так и подскочил:

– Разве вы ничего не знаете, черт возьми?! Император в плену, провозглашена республика. Надо действовать. Мое положение щекотливо, скажу более – опасно.

Он задумчиво помолчал с минуту, стоя перед онемевшими от изумления подчиненными, затем продолжал:

– Надо действовать без колебаний. В таких обстоятельствах минуты стоят часов. Все зависит от быстроты решений. Вы, Пикар, отправляйтесь к кюре и заставьте его ударить в набат, чтобы собрать население, которое я осведомлю о событиях. Вы, Торшбеф, бейте сбор по всей коммуне вплоть до деревушек Жеризе и Сальмар, чтобы созвать на площадь вооруженное ополчение. Вы, Поммель, наденьте поскорее форму – мундир и кепи. Мы с вами займем мэрию и заставим господина де Варнето сдать мне власть. Понятно?

– Да.

– Исполняйте все быстро, не теряя времени. Я провожу вас до дому, Поммель, и мы будем действовать сообща.

Пять минут спустя командир и его помощник, вооруженные до зубов, появились на площади как раз в ту минуту, когда маленький виконт де Варнето, в гетрах и с карабином на плече, точно собираясь на охоту, торопливо вышел с другой стороны площади в сопровождении трех стражников в зеленых мундирах, с ножами на боку и ружьями наперевес.

Ошеломленный доктор остановился, а четверо мужчин вошли в мэрию и заперли за собою дверь.

– Нас опередили, – пробормотал доктор, – надо теперь ждать подкрепления. Раньше как через четверть часа ничего не сделать.

Появился поручик Пикар.

– Кюре отказался повиноваться, – сообщил он. – Он даже заперся в церкви с пономарем и привратником.

По другую сторону площади, против белого здания запертой мэрии, стояла немая и темная церковь с огромной дубовой дверью, окованной железом.

Когда заинтригованные жители высунули носы из окон или вышли на порог дома, раздался вдруг барабанный бой и появился Торшбеф, яростно выбивая торопливый сигнал сбора. Он пересек мерным шагом площадь и исчез по дороге в поле.

Командир обнажил саблю, стал между зданиями, где забаррикадировались враги, и, потрясая над головой оружием, заревел во всю силу легких:

– Да здравствует республика!.. Смерть изменникам!..

Затем он вернулся к своим офицерам.

Мясник, булочник и аптекарь в тревоге закрыли ставни и заперли лавки. Одна лишь бакалейная осталась открытой.

Между тем мало-помалу начали подходить ополченцы, в самой разношерстной одежде; черные кепи с красным кантом составляли всю их форму. Они были вооружены заржавленными ружьями, старыми ружьями, по тридцать лет висевшими без дела над кухонным очагом, и напоминали отряд сельских стражников.

Когда их набралось десятка три, командир в нескольких словах сообщил им о событиях; потом, обратившись к своему генеральному штабу, объявил:

– Теперь приступим к делу.

Собравшиеся обыватели наблюдали происходящее и перекидывались замечаниями.

Доктор быстро составил план кампании:

– Лейтенант Пикар, вы подойдете к окнам мэрии и именем республики потребуете от господина де Варнето сдать мне ратушу.

Но лейтенант, каменщик по профессии, отказался.

– Ну, и хитры вы, нечего сказать. Хотите, чтобы в меня всадили пулю? Покорно благодарю. Они ведь неплохо, знаете ли, стреляют, те, что там сидят. Нет, уж лучше сами выполняйте свои приказы.

Командир покраснел.

– Именем дисциплины приказываю вам идти туда!

Лейтенант возмутился:

– Чего ради я позволю разбить себе физиономию?

Почтенные граждане, стоявшие группою неподалеку от них, начали посмеиваться. Один из них крикнул:

– Верно, Пикар, и не суйся туда!

Тогда доктор пробурчал:

– Труссы вы!..

И, передав саблю и револьвер одному из солдат, он медленным шагом двинулся вперед, пристально всматриваясь в окна и ожидая увидеть торчащее оттуда и наведенное на него ружейное дуло.

Когда он был уже в нескольких шагах от мэрии, с обеих сторон здания открылись двери двух школ, и оттуда высыпала целая толпа детей, из одной двери мальчики, из другой – девочки. Они принялись играть на огромной пустой площади и гоготали вокруг доктора, словно стадо гусей, заглушая его голос.

Как только последние ученики вышли, обе двери снова затворились.

Толпа ребят наконец рассеялась, и командир громким голосом произнес:

– Господин де Варнето!

Во втором этаже отворилось окно, и из него высунулся г-н Варнето.

Командир продолжал:

– Сударь, вам известны великие события, изменившие форму правления. Строй, представителем которого вы были до сих пор, больше не существует. Входит в силу тот строй, представителем которого являюсь я. Ввиду этих печальных, но бесповоротных обстоятельств я пришел предложить вам именем новой республики передать в мои руки обязанности, возложенные на вас прежней властью.

Г-н де Варнето ответил:

– Господин доктор, я мэр города Канвиля, назначенный законной властью, и останусь мэром Канвиля до тех пор, пока не буду отозван и замещен приказом моего начальства. Как мэр, я хозяин мэрии и здесь останусь. Впрочем, попробуйте заставить меня выйти отсюда!

И он захлопнул окно.

Командир вернулся к своему отряду. Но прежде чем что-нибудь сказать, он смерил взглядом с головы до ног лейтенанта Пикара.

– Вы жалкий трус, вы заяц, вы позорите армию! Я вас лишаю чина.

Лейтенант отвечал:

– Наплевать мне на это.

И он присоединился к шептавшейся толпе обывателей.

Доктор остановился в раздумье. Что делать? Идти на приступ? Но пойдут ли за ним его люди? И потом, имеет ли он на это право?

Вдруг его осенила блестящая мысль. Он побежал в телеграфную контору, которая находилась против мэрии, на другой стороне площади, и послал три телеграммы:

Гг. членам республиканского правительства, в Париж.

Г-ну новому республиканскому префекту департамента Нижней Сены, в Руан.

Г-ну новому республиканскому супрефекту, в Дьепп.

Он описал в них создавшееся положение, указал на опасность, какой подвергается коммуна, оставаясь в руках прежнего мэра – монархиста, с готовностью предложил свои услуги, просил распоряжений и подписался полным именем, добавив все свои звания.

Вернувшись к своей армии, он вынул из кармана десять франков и сказал:

– Вот вам, друзья мои, закусите и выпейте по стаканчику. Оставьте здесь только караул из десяти человек, чтобы никто не вышел из мэрии.

Но экс-лейтенант Пикар, болтавший с часовщиком, услышав это, поднял его на смех:

– Черт возьми, да вы только тогда и сможете войти, если они выйдут. Не знаю, как вам туда попасть иначе.

Доктор ничего не ответил и ушел завтракать.

После полудня он расставил посты по всей коммуне, точно ей угрожала опасность неожиданного нападения.

Несколько раз он проходил мимо дверей мэрии и церкви, но не замечал ничего подозрительного: оба здания казались пустыми.

Мясник, булочник и аптекарь снова открыли свои лавки.

В домах шли разговоры о том, что если император в плену, значит, была какая-то измена. И никто точно еще не знал, какая именно республика провозглашена.

Стало темнеть.

Около девяти часов доктор потихоньку подкрался один к двери коммунального здания, уверенный, что его противник отправился спать. Но когда он уже приготовился взломать заступом дверь, неожиданно раздался громкий окрик, вероятно, одного из стражников:

– Кто идет?

И г-н Массарель забил отбой, удирая со всех ног.

Наступило утро, но положение не изменилось.

Вооруженные ополченцы продолжали занимать площадь. Вокруг отряда опять столпились обыватели, ожидая, чем все это кончится. Пришли посмотреть и из соседних деревень.

Доктор понял, что на карту поставлена его репутация, и решил так или иначе кончить дело. Он хотел уже предпринять энергичные меры, как вдруг дверь телеграфной конторы отворилась, и оттуда вышла молоденькая служанка жены заведующего, держа в руках два листка бумаги.

Сначала она направилась к командиру и подала ему одну из телеграмм. Потом пересекла пустую площадь и, смущаясь от устремленных на нее взглядов, потупив голову, осторожно подошла к мэрии и тихо постучала в дверь осажденного дома, словно не зная, что там скрывается вооруженный отряд.

Дверь приотворилась, мужская рука взяла послание, а девочка, красная и готовая расплакаться оттого, что все на нее глазают, побежала назад.

– Минуту внимания, прошу вас! – произнес доктор дрожащим голосом.

Все замолчали, и он важно продолжал:

– Вот сообщение, полученное мною от правительства.

Развернув телеграмму, он прочел:

«ПРЕЖНИЙ МЭР СМЕЩЕН.

ДЕЙСТВУЙТЕ РЕШИТЕЛЬНО.

ДАЛЬНЕЙШИЕ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПОСЛЕДУЮТ.

За супрефекта советник САПЕН».

Он торжествовал; сердце его радостно билось, руки дрожали. Но Пикар, его бывший подчиненный, крикнул из ближайшей группы любопытных:

– Все это хорошо!.. Но если те не захотят выйти, вам с вашей бумажкой легче не будет.

Г-н Массарель побледнел. В самом деле, если те не захотят выйти, придется прорываться напролом. Теперь это не только его право, но и долг.

Он с тревогой смотрел на мэрию, надеясь, что дверь откроется и его противник сдастся.

Дверь оставалась закрытой. Что делать? Толпа увеличивалась, теснилась вокруг ополченцев. Поднялся смех.

Одно обстоятельство особенно тревожило доктора. Если он отдаст команду идти на приступ, – ему самому придется возглавлять отряд. И так как с его смертью всякие распри улягутся, то г-н Варнето и три его стражника именно в него и будут стрелять, только в него одного. А они метко стреляют, очень метко. Пикар еще раз подтвердил это. Но у него блеснула новая идея, и он повернулся к Поммелю:

– Бегите к аптекарю и попросите одолжить мне салфетку и палку.

Лейтенант побежал.

Надо соорудить парламентарский флаг, белый флаг, вид которого, быть может, тронет легитимистское сердце старого мэра.

Поммель вернулся с требуемой салфеткой и палкой от метлы. При помощи веревки соорудили знамя, и г-н Массарель, взяв его в обе руки и держа перед собой, снова двинулся к мэрии. Подойдя к двери, он еще раз позвал:

– Господин де Варнето!

Дверь внезапно распахнулась, и г-н Варнето в сопровождении трех стражников появился на пороге.

Доктор невольно попятился назад. Потом, изыщно раскланявшись со своим врагом, он произнес, задыхаясь от волнения:

– Я имею честь довести до вашего сведения, сударь, полученное мною распоряжение.

Не отвечая на поклон, дворянин ответил:

– Я ухожу, сударь, но знайте, что не из страха и не из повиновения гнусному правительству, узурпирующему законную власть.

И, отчеканивая каждое слово, он закончил:

– Я не хочу давать повод думать, что я хотя бы один день служил республике. Вот и все.

Растерявшийся Массарель не нашелся, что ответить, а г-н де Варнето быстро исчез за углом площади, сопровождаемый своей охраной.

Тогда доктор, преисполненный гордости, вернулся к толпе. Как только он приблизился настолько, что его могли слышать, он закричал:

– Ура! Ура! Республика торжествует по всему фронту.

Но толпа не проявила никакого восторга.

Доктор опять закричал:

– Народ свободен! Вы свободны и независимы! Гордитесь!

Обыватели тупо глядели на него, не выражая никакой радости.

Он тоже смотрел на них, негодуя на их равнодушие, стараясь придумать, что сказать им, что сделать, чтобы встряхнуть, воодушевить эту мирную толпу, чтобы выполнить свою миссию зачинателя.

Вдруг на него сошло вдохновение, и, обернувшись к Поммелю, он сказал:

– Лейтенант, принесите сюда из залы муниципального совета бюст бывшего императора и захватите с собой стул.

Поммель вскоре возвратился с гипсовым бюстом Бонапарта на правом плече и с соломенным стулом в левой руке.

Господин Массарель устремился к нему навстречу, взял стул, поставил его на землю, а на него водрузил белый бюст и, отойдя на несколько шагов, обратился к нему с громкой речью:

– Тиран! Тиран! Ты низвергнут теперь, повержен в грязь, впал в ничтожество. Умиращее отечество хрипело под твоим сапогом. Карающая судьба настигла тебя. Поражение и позор неразлучны с тобой; ты пал побежденным, пленником пруссаков, и на развалинах твоей рухнувшей империи встает юная, лучезарная республика, она поднимет твою изломанную шпагу...

Он ждал аплодисментов. Но ни малейшего восклицания, ни единого хлопка не раздалось в ответ. Испуганные крестьяне молчали, а гипсовый бюст с остроконечными усами, далеко торчавшими по обеим сторонам лица, неподвижный и причесанный, как парикмахерский манекен, казалось, улыбался, глядя на Массареля, своею застывшей улыбкой.

Так стояли они лицом к лицу: Наполеон на стуле, доктор в трех шагах перед ним. Гнев охватил командира. Что же делать? Что делать, чтоб расшевелить этот народ и окончательно завоевать общественное мнение?

Случайно рука его нащупала за красным поясом рукоятку револьвера.

Ни вдохновение, ни красноречие больше не приходили ему на помощь. Тогда он вынул свое оружие, отступил еще на два шага и, прицелившись, выстрелил в бывшего монарха.

Пуля пробила во лбу маленькую черную дырочку, похожую на почти незаметное пятнышко. Эффект не удался. Г-н Массарель выстрелил во второй раз, сделал вторую дырочку, потом третью, потом, не останавливаясь, выпустил последние три пули. Лоб Наполеона разлетелся белой пылью, но глаза, нос и остроконечные тонкие усы остались невредимыми.

Тогда доктор в отчаянии опрокинул стул ударом кулака, наступил ногой на обломки бюста и, встав в позу триумфатора, обернулся к остолбеневшей толпе.

– Да погибнут так все изменники!.. – проревел он.

Но так как по-прежнему не видно было никаких проявлений восторга и зрители только раскрыли рты от удивления, командир крикнул ополченцам:

– Можете теперь возвратиться к вашим очагам!

И сам, точно убегая от погони, крупными шагами направился домой.

Когда он вернулся к себе, служанка доложила, что в кабинете уже более трех часов его ждут больные. Он поспешил туда. Эта была та же крестьянская чета, с расширением вен, пришедшая на рассвете и ждавшая его упорно и терпеливо.

Старик тотчас же возобновил свой рассказ:

– Началось это с того, что по ногам у меня вроде как мурашки стали ползать...

Примечания

1 Была ли напечатана эта новелла в прессе до появления в настоящем сборнике, французские библиографы пока еще не установили. Действие новеллы происходит в первые дни после падения Второй империи и провозглашения Третьей республики (4 сентября 1870 года). Непосредственным толчком к революции послужило военное поражение Франции при Седане, где император Наполеон III во главе стотысячной французской армии сдался 2 сентября пруссакам.

2 Легитимист – представитель политической партии, объединявшей приверженцев старшей ветви королевского дома Бурбонов, которая была свергнута с престола первоначально французской революцией XVIII века, а затем, и уже окончательно, Июльской революцией 1830 года; основные кадры этой реакционной партии рекрутировались из дворянской знати.

3 Ненавистное напоминание о великой революции. – При старом режиме приветственный возглас французских войск был: «Да здравствует король!»; французская революция XVIII века заменила его возгласом «Да здравствует отечество!».